

Варвара Жданова

«Белая гвардия» М.А. Булгакова. Семейство и государство.

«Белая гвардия» писалась в тяжелых условиях (убогая комната, нищенский заработок в «Гудке», безвестность уже не слишком юного литератора).

Призрак потерянного Дома — родительской квартиры в Киеве, полной старинных вещей, любимых книг, появлялся в памяти, был стимулом творчества.

Булгаков послужил прототипом одного из героев рассказа Валентина Катаева «Зимой» (1923).

Юрий Слезкин вспоминал: «Портрет Булгакова тех дней очень верно написан Вал. Катаевым в его рассказе «Зимой». Катаев был влюблен в сестру Булгакова, хотел на ней жениться — Миша возмущался. «Нужно иметь средства, чтобы жениться», — говорил он».

Учтем, что Слезкин и Катаев пристрастны к Булгакову. И все же — небольшая выдержка из рассказа «Зимой»:

«Он гораздо старше меня, он писатель, у него хорошая жена и строгие взгляды на жизнь. Он не любит революции, не любит потрясений, не любит нищеты... Я приходил к нему вечером и садился на диван против зеленого абажура лампы, висящей над писательским письменным столом....

Он подымает кверху ножницы, которыми вырезает из газеты одобрительную о себе рецензию...

...Серый домашний глаз его жены внимательно и сочувственно смотрит на меня из-за самовара.

...В комнате два стула, потолок немного протекает, жена спит на худой походной кровати, вентиляция испорчена, соседка слева торгует самогоном, а сосед справа играет на гармонике и не платит в жилищное товарищество за квартиру. Отопление работает плохо. Доходы маленькие...»

Катаев добавляет, что «этот мечтатель» вечно грезит о комфорте.

В повести «Тайному другу» (набросок «Театрального романа») Булгаков явно говорит о себе самом в определенный период жизни.

Глава называется «Неврастения»:

«Опять был сон...

В громадной квартире было тепло. Боже мой, сколько комнат! Их не перечесать, и в каждой из них важные, обольстительные вещи...

На пианино над раскрытыми клавишами стоял клавир «Фауста» ...

От парового отопления волнами ходило тепло, сверкали электрические лампы в люстре...

Ночь беззвучна. Пахнет плесенью. Не понимаю только одного, как могло мне присниться тепло? В комнате у меня холодно.

«Я развинтился, я развинтился», — подумал я, вздрагивая. Сердце то уходило куда-то вниз, то оказывалось на месте...

Руки похолодели и покрылись холодной влагой...

Затем стал писать, не зная еще хорошо, что из этого выйдет.

Помнится, мне очень хотелось передать, как хорошо, когда дома тепло, часы, бьющие башенным боем в столовой, сонную дрему в постели, книги и мороз...

Писать вообще очень трудно, но это почему-то выходило легко».

Татьяна Николаевна вспоминает:

«— ...Писал ночами «Белую гвардию» и любил, чтоб я сидела около, шила. У него холодели руки, ноги, он говорил мне: «Скорей, скорей горячей воды»; я грела воду на керосинке, он опускал руки в таз с горячей водой...

— Что это было? Сердце?

— Нет, видимо, что-то нервное; он очень уставил...»

Роман писался около года. В январе-феврале 1924-го Булгаков закончил «Белую гвардию».

По словам самого Булгакова, в «Белой гвардии» он изобразил брошенную в лагерь белых «интеллигентско-дворянскую семью».

Булгаков утверждал, что в «Белой гвардии» он предпринимал «великие усилия стать бесстрастно над красными и белыми».

И там, и здесь между рядами
Звучит один и тот же глас
»Кто не за нас, тот против нас!
Нет безразличных. Правда с нами!»
А я стою один меж них
В ревущем пламене и дыме
И всеми силами моими
Молюсь за тех и за других.

Эти строки из стихотворения Максимилиана Волошина «Гражданская война» (1919) с некоторой долей иронии приводит В.В. Вересаев в своих «Воспоминаниях».

Вересаев пишет о Волошине:

«В политическом отношении он не считал себя ни большевиком, ни белым. Где-то в стихах писал, что ему равно милы и белые и красные и воображал, что стоит выше их, тогда как в действительности стоял только в стороне».

Вересаев считает обязательной безоговорочную принадлежность к лагерю красных литератора «приемлемого для Советской власти».

Близость гуманистических позиций Булгакова и Волошина обусловила высокую оценку последним «Белой гвардии»:

«...Эта вещь представилась мне очень крупной и оригинальной; как дебют начинающего писателя ее можно сравнить только с дебютами Достоевского и Толстого».

В «Белой гвардии» упоминаются Пушкин, Гоголь, Достоевский, Лев Толстой. Возникают их герои: Капитанская Дочка, Лиза из «Пиковой дамы», Евгений Онегин, Наташа Ростова, Тарас Бульба, лермонтовский Демон, черт Достоевского.

Один из двух эпиграфов к роману взят из «Капитанской дочки» (сцена вьюги).

Насыщенность «Белой гвардии» мотивами русской классической литературы свидетельствует о приверженности писателя идее сохранения гибнущей на глазах «старой» культуры. Сотни образов и тем вкрапляются в мозаику «Белой гвардии».

В «лучших на свете шкапах с книгами» дома Турбиных «Война и мир» «с Наташей Ростовою» и «Капитанская дочка» стоят рядом, упоминаются вместе. Оба эти произведения очень близки Булгакову и, он утверждает внутреннюю их взаимосвязь.

О внутренней взаимосвязи этих произведений Пушкина и Толстого замечательно, удивительно пронизательно, как бы оставляя место для продолжателя традиций (автора «Белой гвардии») сказал еще на исходе XIX в. известный литературный критик Н.Н.Страхов:

«Есть в русской литературе классическое произведение, с которым «Война и мир» имеет больше сходства, чем с каким бы то ни было другим произведением. Это — «Капитанская дочка» Пушкина. Сходство есть и во внешней манере, в самом тоне и предмете рассказа... «Капитанская дочка», собственно говоря, есть хроника семейства Гриневых...»

И далее:

«Позволим себе сделать еще одно сближение. В «Капитанской дочке», как и в «Войне и мире», изображено столкновение частной жизни с государственною. Оба художника, очевидно, чувствовали желание подсмотреть и показать то отношение, в котором русский человек находится к своей государственной жизни. Не вправе ли мы отсюда заключить, что к числу существеннейших элементов нашей жизни принадлежит двоякая связь: связь с семейством и связь с государством?».

«Столкновение частной жизни с государственною» на сломе эпохи, в трагический момент русской истории явлено и в «Белой гвардии».

«Береги честь смолоду» — пословица, ставшая эпиграфом к пушкинской повести. Защита чести — жизненная задача для героев «Капитанской дочки» и «Белой гвардии».

Страна ввергнута в бездну бунта, революции. Пушкинское понятие чести предано забвению.

Булгаков углубляет тему «чести и бесчестия», «вживляя» тему «Бесов» Достоевского.

Алексею Турбину во сне явился «знаменитый писатель» Кармазинов из «Бесов».

«Он сидел и воспаленными глазами глядел в страницу первой попавшейся ему книги и вычитывал, бессмысленно возвращаясь к одному и тому же:

Русскому человеку честь — одно только лишнее бремя...

Только под утро он разделся и уснул, и вот во сне явился к нему маленького роста кошмар в брюках в крупную клетку и глумливо сказал:

— ...Святая Русь — страна деревянная, нищая и... опасная, а русскому человеку честь — только лишнее бремя.

— Ах ты! — вскричал во сне Турбин. — Г-гадина, да я тебя. — Турбин во сне полез в ящик стола доставать браунинг, сонный, достал, хотел выстрелить в кошмар, погнался за ним, и кошмар пропал».

Кармазинов в романе Достоевского говорил:

«Сколько я вижу и сколько судить могу, вся суть русской революционной идеи заключается в отрицании чести».

И глумливо добавлял:

«Мне нравится, что это так смело и безбоязненно выражено... Нет, в Европе еще этого не поймут, а у нас именно на это-то и набросятся. Русскому человеку честь — одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременем, во всю его историю. Открытым «правом на бесчестье» его скорей всего увлечь можно. Я поколения старого и, признаюсь, стою за честь, но ведь только по привычке.

Мне лишь нравятся старые формы, положим, по малодушию; надо же как-нибудь дожить век».

Как отвратителен этот своеобразный «формализм» Кармазинова!

Турбины, их друзья-офицеры стоят за честь не по форме, они отдадут жизнь за честь Отечества. Но много ли таких спасителей?

Героям «Белой гвардии» не случайно попадают в руки те или иные книги. Алексей Турбин только что попрощался с крысой-Тальбергом, позорно сбежавшим из осажденного Города с немцами.

И вот раскрыл «Бесов» и наткнулся на монолог подлеца-Кармазинова:

«Если кораблю потонуть, то крысы первые из него выселяются. Святая Русь — страна деревянная, нищая и... опасная... Я сделался немцем и вменяю это себе в честь».

Известны слова Пушкина из письма к Чаадаеву (19 октября 1836 года): «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Кармазинов описывается так:

«Это был очень невысокий, чопорный старичок, лет, впрочем, не более пятидесяти пяти, с довольно румяным личиком, с густыми седыми локончиками, выбившимися из-под круглой цилиндрической шляпы и завивавшимися около чистеньких, розовеньких, маленьких ушков его. Чистенькое личико его было не совсем красиво, с тонкими, длинными, хитро сложенными губами, с несколько мясистым носом и с востренькими, умными, маленькими глазками... Но, по крайней мере, все мелкие вещицы его костюма: запоночки, воротнички, пуговики, черепаховый лорнет на черной тоненькой ленточке, перстенок непременно были такие же, как у людей безукоризненно хорошего тона. Я уверен, что летом он ходит непременно в каких-нибудь цветных прюнелевых ботиночках с перламутровыми пуговками сбоку».

Внезапно понимаешь, на кого похож воображаемый «Маяковский» из «Записок на манжетах». Вспомним, когда герой «Записок на манжетах» только

прибыл в Москву, он видит на заборе афишу, возвещающую «юбилейное» выступление Владимира Маяковского. Герой, никогда Маяковского не видевший, пытается вообразить себе преуспевающего поэта.

И представляет уютно устроившегося, юркого бесенка: «Коротенькие подвернутые брючки», «очень маленького роста», «лысенький» «очень подвижной», «сам готовит себе на примусе котлеты».

А в «Бесах» о Кармазинове говорится:

«Когда вошел Петр Степанович, он кушал утреннюю свою котлетку... Петр Степанович... всегда заставлял его за этою утреннею котлеткой, которую тот и съедал в его присутствии».

Этот «Маяковский», как будто, не без идеалов, очень привязан к Дому и любит оперу «Евгений Онегин».

Но на самом деле, ему «лишь нравятся старые формы», и он торопливо соглашается с требованиями ситуации, готов на всякое отступничество и даже предательство.

О Кармазинове в «Бесах»:

«Лицо его так и выражало: «Я ведь не такой, как вы думаете, я ведь за вас, только хвалите меня...»

Кармазинов — литератор, ориентированный на дворянскую культуру. Кармазинов, кармазиновщина — все самое низкое, подловатое, трусливое, что есть в характере каждого литератора булгаковских устремлений.

И даже, не побоимся сказать, в душе самого Булгакова.

Катаев не вполне понимал, или не хотел понимать, степень одаренности Булгакова (это видно по его отзывам о «Белой гвардии») и без особой симпатии относился к личности бывшего коллеги по «Гудку».

Но в обостренной интуиции, чувстве, присущем каждому талантливому писателю, не откажешь Катаеву. В книге «Алмазный мой венец» он вывел Булгакова под прозвищем «Синеглазый».

Из книги «Алмазный мой венец»:

«У него... на... лице... присутствовало нечто актерское, а временами даже и лисье...

Впоследствии, когда синеглазый прославился и на некоторое время разбогател... он надел галстук бабочкой, цветной жилет, ботинки на пуговицах с прюнелевым верхом...»

Вспоминаются «прюнелевые ботиночки» Кармазинова...

Булгаков в своей статье о Слезкине говорит, что Слезкин (этот печальный «маркиз», опоздавший родиться) временами напоминает Кармазинова «из злобного гениального пасквиля Достоевского».

Как и Алексея Турбина, Булгакова преследует призрак Кармазинова. Как и Турбин, Булгаков борется с кармазиновщиной.

Образ, соотносимый с Кармазиновым, мелькнет еще раз в «Мастере и Маргарите».

Коровьев и Бегемот «грабят» валютный магазин. На подходе – милиция.

«Публика стала окружать негодяев и тогда в дело вступил Коровьев.

- Граждане! – вибрирующим тонким голосом прокричал он, - что же это делается? Ась? Позвольте вас об этом спросить! Бедный человек, - Коровьев подпустил дрожи в свой голос и указал на Бегемота, немедленно скроившего плаксивую физиономию, - бедный человек целый день починяет примуса; он проголодался... а откуда же ему взять валюту?»

Ситуация усугубляется сочувствием публики лже-проповеднику.

«А когда Бегемот, приложив грязный продранный рукав к глазу, воскликнул трагически:

- Спасибо, верный друг, заступился за пострадавшего! – произошло чудо. Приличнейший тихий старичок, одетый бедно, но чистенько, старичок, покупавший три миндальных пирожных в кондитерском отделении, вдруг преобразился. Глаза его сверкнули боевым огнем, он побагровел, швырнул кулечек с пирожными на пол и крикнул:

- Правда! – детским тонким голосом. Затем он... с размаху ударил подносом плашмя иностранца по плешивой голове».

«Чистенький старичок» с медальными пирожными – вариация на тему Кармазинова. В комическом виде представлена «кармазиновская» тема – противостояние России и Европы. Но здесь Кармазинов – не бес, а жертва чертей, сбитый толку интеллигент. В этом Кармазинове, благодаря замечательному дару Булгакова, даже чувствуется, «просвечивает» старик Тургенев (как известно, Достоевский, во многом, изобразил Тургенева в Кармазинове).

Булгаков очень любил русскую интеллигенцию, но здесь выступил как блестящий сатирик, обличающий ее слабость, «миндальничанье» с чертями, податливость на очевидные провокации, а в конечном итоге – глупейшую, «детскую» приверженность революционному насилию. Этот сатирический портрет (эскизный набросок) сделан с мастерством, любовью, болью, стремлением к правде и верой в добрую природу человека. Традиции Салтыкова-Щедрина, к сатирической школе которого, принадлежал, по его словам, Булгаков.

Любовному треугольнику «Капитанской дочки»: честный Гринев — предатель и соблазнитель Швабрин — Маша Миронова соответствует в «Белой гвардии» треугольник: Алексей Турбин — Шполянский — Юлия Рейсс.

Низкая старинная комната Юлии Рейсс создана в одном стиле со «смиренной девической кельей» капитанской дочки.

О жилище коменданта в повести Пушкина говорится так:

«Я вошел в чистенькую комнатку, убранную по старинному».

И далее:

«Я взбежал по маленькой лестнице, которая вела в светлицу, и в первый раз отроду вошел в комнату Марьи Ивановны. Я увидел ее постелю, перерытую разбойниками; шкаф был разломан и ограблен; лампадка теплилась еще перед опустелым кивотом. Уцелело и зеркальце, висевшее в простенке... Где же была хозяйка этой смиренной девической кельи?»

В жилище Юлии Алексей тоже взбегает по маленькой лесенке, которая потом мерещится ему в бреду.

Кованый сундук, шкаф, лампа под вишневым платком (почти лампадка). В простенке поблескивает что-то похожее на зеркало. И напоминанием о капитане Миронове — портрет военного в старинных эполетах на стене.

Из «Белой гвардии»:

«Низкий заборчик... Он... упал при самом конце лесенки... Увиделись расплывчато купы девственной и нетронутой сирени под снегом, дверь, стеклянный фонарь старинных сеней, занесенных снегом...

Золотые шляпки перед глазами означают сундук...

Он видел кругом темные тени полных сумерек в какой-то очень низкой старинной комнате. Когда же она посадила его на что-то мягкое и пыльное, под ее рукой сбоку вспыхнула лампа под вишневым платком. Он разглядел узоры бархата, край двубортного сюртука на стене в раме и желто-золотой эполет... Там за аркой в глубине... еще что-то поблескивало... А здесь опять этот край эполета в раме.

Боже, какая старина!.. Эполеты его приковали. Был мирный свет сальной свечи в шандале. Был мир, и вот мир убит. Не возвратятся годы. Еще сзади окна низкие, маленькие, и сбоку окно. Что за странный домик?»

«Не возвратятся годы», старый мир рушится. Прежней капитанской дочки нет.

А в переулке забор дощатый
Дом в три окна и серый газон...
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон.

Машенька, ты здесь жила и пела,
Мне, жениху, ковер ткала,
Где же теперь твой голос и тело,
Может ли быть, что ты умерла!

Как ты стонала в своей светлице,
Я же с напудренною косою
Шел представляться императрице
И не увиделся вновь с тобой.

Хотя известно, что Булгаков мало интересовался современной поэзией, есть искушение предположить, что в «Белой гвардии» восприняты идеи «Заблудившегося трамвая» Гумилева.

Трагичность мироощущения на изломе эпохи Гумилевым в «Заблудившемся трамвае» и Булгаковым в «Белой гвардии» выражена одинаково: через обращение к образу Маши Мироновой, гибнущей или перерожденной капитанской дочери.

Весть о расстреле Гумилева к осени 1921 года облетела всю Москву. Как раз в это время Булгаков прибыл в столицу.

Возможно, черты самого Гумилева — героического офицера, запечатлелись в собирательном образе Най-Турса.

Но может статься, что только Гумилев — благородный офицер, был близок Булгакову. А поэт Гумилев, со всей страстью его к экзотическим культурам — чужд.

Но стихотворение «Заблудившийся трамвай» — покаянное, оно — о возвращении к родным корням, к «дыму отечества», который «сладок и приятен», к вечным, неумирающим образам.

Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет...

И сразу ветер знакомый и сладкий,
И за мостом летит на меня
Всадника длань в железной перчатке
И два копыта его коня.

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине
Там отслужу молебен о здравьи
Машеньки и панихиду по мне.

Здесь возник еще и мотив «Медного всадника». В «Капитанской дочке» все кончается хорошо, герои остаются невредимыми и соединяются. В «Медном всаднике» Параша, покинутая Евгением, погибает во время наводнения, в бурю.

И в «Заблудившимся трамвае», и в «Белой гвардии» революция уподоблена стихийному бедствию, буре.

«Мчался он бурей темной, крылатой...»

«Капитанскую Дочку сожгут в печи». Булгаков не заключает название пушкинской повести в кавычки. Мрачное предчувствие гибели касается не только повести Пушкина, но и вечно милого живого образа Маши Мироновой.

В Юлию Рейсс, сыгравшую роль самоотверженной Капитанской Дочки, спасительницы, влюбляется новый Гринев — Алексей Турбин.

Но прежней Капитанской Дочки нет. Юлия, любовница «демона» Шполянского — дьявольская приманка, а ее домик на улице Мало-Провальной — ловушка, выстроенная и обставленная нечистой силой по пушкинским канонам. Атмосфера пушкинской повести, знакомой с детства, манит Турбина. Алексей все чаще пропадает в «странном домике», забывая об истинном доме — родительском гнезде, скорейшего разрушения которого и дожидается дух зла.

Дом Турбиных в романе — отчасти, ковчег в бурном море (революции). Тема корабля-ковчег ясно просматривается в трех литературных произведениях казалось бы, случайно упоминаемых в «Белой гвардии». Это — «Капитанская дочка» Пушкина, «Саардамский плотник» П.Р.Фурмана и «Господин из Сан-Франциско» Бунина.

В эпиграфе из «Капитанской дочки» возникает снежное море: «темное небо смешалось с снежным морем». Спустя несколько абзацев, вслед за морем, в «Капитанской дочке» появляется и корабль-ковчег, в котором сидят Петруша Гринев и Савельич со всем скарбом:

«Кибитка тихо подвигалась, то въезжая на сугроб, то обрушаясь в овраг и переваливаясь то на одну, то на другую сторону. Это было похоже на плавание судна по бурному морю».

Когда была жива мать, в доме Турбиных у изразцовой печи зимой детям читался «Саардамский плотник». «Саардамский плотник» — историческая повесть для юношества популярного автора - Петра Романовича Фурмана, впервые вышедшая отдельным изданием в 1849 году. Повесть рассказывает о молодом мудром и добром государстве Петре I, работающем под именем Петра Михайлова плотником в Голландии. Петр I строит корабль.

Образ ковчег в бурном море появляется в наивно-зарифмованной торжественной речи голландца-подмастерья, которую тот произносит при заложении корабля:

Когда над грозными волнами
Над разъяренными водами,
Гонимый страшными ветрами,
Летит под всеми парусами
Корабль, нами сотворенный,
Верный, крепкий, неизменный,
Бережет множество людей,
Отцов, братьев и детей.
Опасность очень велика,
Но храброго моряка
Бережет Бог да наше судно!
Это справедливо, хоть и чудно.

Для Турбиных, дом которых гибнет в хаосе революции, образ ковчега, находящегося под покровительством небес, кажется манящим, спасительным.

Елена в «Белой гвардии» читает рассказ Бунина «Господин из Сан-Франциско».

В этом известном рассказе богатый американец с семьей путешествует в Европу на корабле, похожем на громадный отель со всеми удобствами. В Европе коммерсант неожиданно умирает, и корабль везет в трюме на родину мертвое тело. Корабль-ковчег с трудом плывет через снежную бурю.

Если в «Саардамском плотнике» природа корабля — божественная, то в рассказе Бунина — дьявольская:

«Бесчисленные огненные глаза корабля были за снегом едва видны Дьяволу следившему со скал Гибралтара, с каменистых ворот двух миров, за уходившим в ночь и вьюгу кораблем. Дьявол был громаден, как утес, но громаден был и корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Нового Человека со старым сердцем».

Снежная буря в «Господине из Сан-Франциско» и «Капитанской дочке» создает хаос, в котором движется ковчег. В одном случае за ковчегом наблюдает дьявол. В другом — кибитку-корабль провожает на постоянный двор неузнанный Пугачев, неожиданно возникший посреди вьюги.

В эпиграфе к «Белой гвардии», взятом из «Капитанской дочки», Булгаков проводит мысль о разрушительном, гибельном характере революционной бури, смуты, которая несет беду и барину и мужику.

«— Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»

Мир «Капитанской дочки» потрясен «бунтом бессмысленным и беспощадным», но, в конце концов, все становится на свои места, устанавливается покой.

Из «Капитанской дочки»:

«Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений».

Мир «Белой гвардии» перерождается, уже ничего не вернется на круги своя, покой дома Турбиных рушится безвозвратно.

И все же, революционные потрясения минуют и уцелевшие герои вместе с автором обретут под ногами новую землю и будут с надеждой вглядываться в новое небо.

Бедный «юродивый» Русаков из «Белой гвардии» - далекий прообраз Иванушки Бездомного. Русаков осознает новый мир, читая Апокалипсис:

«...Сидел голубоглазый Русаков у лампы... Перед Русаковым лежала тяжелая книга...

«...И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет»...

Мир становился в душе, и в мире, он дошел до слов: «...слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло».

Примечание.

Материал статьи опубликован в составе монографии «Служение и венец. Пушкин в творчестве Михаила Булгакова» издательством LAP Lambert Academic Publishing.

